
МОНИКА Берг
ОДЕРЖИМЫЙ СВЕКОР
30 дней без мужа
18+

Моника Берг

Одержимый свекор. 30 дней без мужа

https://litres.ru/74753379
SelfPub; 2026

Аннотация

«Ты совершила ошибку, девочка. Выбрала не того Вяземского». По условиям семейного траста муж обязан прожить со мной полгода, а последние тридцать дней перед вступлением в наследство провести в родовом гнезде под надзором главы династии. Но вместо семейной идиллии супруг сбегает на Лазурный берег с любовницей, заперев меня в загородном поместье наедине со своим отцом. Константин Львович Вяземский — опасный, властный хищник с благородной сединой и тяжелым взглядом, от которого у меня перехватывает дыхание. Он привык подчинять своей воле корпорации, но теперь его единственная цель — я. Каждое случайное прикосновение обжигает сильнее открытого огня, а тридцать дней взаперти превращаются в запретную, сносящую любые барьеры одержимость.

Содержание

Глава 1. Хрустальная клетка и условие траста 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Моника Берг
Одержимый свекор. 30 дней без мужа

Глава 1. Хрустальная клетка и условие траста

Октябрьский ветер с размаху бил в панорамные окна пентхауса на Пречистенской набережной, размазывая по тёмному стеклу холодные капли дождя и неоновые огни ночной Москвы. Ева стояла у высокого мраморного камина, в котором за полгода их с Кириллом брака ни разу не зажигали живой огонь — вместо пламени внутри переливалась бездушная голографическая имитация, такая же фальшивая, как и вся их семейная жизнь. Её тонкие пальцы с аккуратным прозрачным маникюром медленно вращали на груди фамильный бриллиантовый кулон на тонкой платиновой цепочке — подарок свёкра в день свадьбы, единственную вещь в этом доме, которая казалась ей настоящей, тяжёлой и обжигающе холодной.

Под шёлком домашнего халата кожа стянулась от озноба, и Ева знала: дело не в сквозняке. Её знобило с той са-

мой минуты днём, когда секретарь Константина Львовича в головном офисе «Вяземский Капитал» буднично обронила, что всю азиатскую сделку старший Вяземский ведёт лично из Москвы. Значит, Кирилл едет не по делам. Кирилл от чего-то бежит. И от чего именно — она поймёт, как только он войдёт.

В прихожей хлопнула массивная входная дверь, раздался звук брошенных на стеклянную консоль ключей от спорткара, и в гостиную вошёл Кирилл. От него пахло дорогим односолодовым виски, влажным кашемиром и едва уловимым, чужим шлейфом сладких нишевых духов с нотами туберозы и амбры — ароматом, который Ева никогда не носила. На его лице, красивом той холёной, чуть капризной красотой золотой молодёжи, которая никогда не знала отказа, блуждала рассеянная полуулыбка.

— Ты ещё не спишь, Соколова? — Кирилл намеренно назвал её девичьей фамилией, как делал всегда, когда хотел подчеркнуть дистанцию между её миром реставрационных мастерских, пахнущих скипидаром и старым лаком, и империей Вяземских. Он ослабил узел шёлкового галстука и небрежно бросил пиджак на спинку белого кожаного дивана. — Прекрасно. Значит, мне не придётся будить тебя утром ради скучных юридических инструкций.

Ева медленно повернула голову. Густые тёмные волосы мягкой волной скользнули по её обнажённым плечам; она не повысила голоса и не сделала ни одного резкого движения,

научившись за последние месяцы беречь каждое слово.

— Который час, Кирилл? Мы должны были ужинать в восемь. Ты сам просил меня отменить вечернюю смену в фонде Грабаря, потому что хотел обсудить что-то важное.

— Дела, дорогая, большие дела не терпят расписания домохозяек, — он усмехнулся, подходя к бару и плеснув себе на два пальца янтарного напитка в тяжёлый хрустальный рокс. — Через четыре часа у меня вылет из Внуково-3. Частный борт до Гонконга, оттуда — Макао и Сингапур. Азиатский инвестиционный форум, закрытые переговоры с партнёрами по логистическому кластеру. Меня не будет ровно тридцать дней.

Ева внимательно посмотрела на его отражение в зеркальной панели бара. Тридцать дней. Она уже знала цену его срокам: каждый раз, когда Кирилл называл точное число, за ним стоял чей-то чужой календарь.

— Тридцать дней? — тихо переспросила Ева, скрестив руки на груди. — И почему об этой командировке ничего не знает служба протокола твоего отца?

Лицо Кирилла мгновенно утратило вальяжность; скулы дёрнулись, а в светло-карих глазах мелькнула знакомая ей смесь трусливой злости и высокомерия.

— Не суй свой изящный нос в наши с отцом дела, Ева, — процедил он, ставя стакан на мраморную столешницу с глухим стуком. — Тебя взяли в эту семью не для того, чтобы ты проверяла мои маршрутные листы. Мой покойный дед, Лев

Николаевич, был старым самодуром с домостроевскими замашками. По условиям его трастового завещания я получу свои двадцать пять процентов голосующих акций холдинга только после того, как вступлю в законный брак с женщиной с безупречной репутацией и проживу с ней в официальном союзе не менее полугода, соблюдая все семейные регламенты. До закрытия трастового периода остался ровно месяц. Тридцать дней, Ева.

Он шагнул к ней вплотную, но Ева не шелохнулась, глядя прямо в его сузившиеся зрачки. Когда год назад Кирилл ухаживал за ней — красиво, настойчиво, засыпая её мастерскую белыми пионами и выкупая на благотворительных аукционах спасённые ею иконы и полотна, — она искренне верила, что за его показным цинизмом скрывается ранимая душа человека, выросшего в тени властного, великого отца. А когда он предложил помочь с оплатой сложнейшей операции её младшему брату в мюнхенской клинике и тут же сделал предложение, она приняла это за благородство. Истину он открыл ей уже в первую брачную ночь, напившись шампанского в номере «Ритца» и бросив в лицо, что ему просто нужна была «чистая, тихая девочка из интеллигентной среды», которую одобрит суровый Константин Львович, и что настоящая страсть его ждёт совсем в другой постели.

Ева помнила ту ночь до мельчайших подробностей: как она сидела на краю огромной кровати в белом кружеве, которое выбирала с такой надеждой, как подвязка впивалась в

бедро, как стыла между лопатками простыня, пока Кирилл, не сняв пиджак, листал в телефоне ленту и говорил о каком-то тендере. Он поцеловал её тогда дважды — сухо, торопливо, в угол рта, — и ушёл курить на балкон. Она лежала в темноте, прислушиваясь к себе, и ждала хоть какого-то отзвука в собственном теле, и не находила ничего, кроме глухого, растерянного разочарования. Двадцать три года. Белье, купленное за неделю до свадьбы. И полное, унизительное ничего.

— Я помню условия твоего деда, Кирилл, — её голос звучал ровно, почти ледяно, хотя внутри всё сжималось от глухой горечи. — Я подписала твоё соглашение о неразглашении и честно играла роль образцовой невестки на всех приёмах, пока ты пропадал в закрытых клубах с Жанной Морозовой. Что изменилось теперь? Зачем этот спектакль с отъездом?

— А вот теперь начинается самое интересное, — Кирилл криво ухмыльнулся, поправляя манжету с платиновыми запонками. — В последнем пункте меморандума попечительского совета есть оговорка, о которой юристы отца напомнили мне только на этой неделе. Последние тридцать дней перед раскрытием эскроу-счёта молодая чета обязана провести в родовом гнезде — в загородном поместье «Вороново», под одной крышей с главой семьи, чтобы аудиторы траста подтвердили целостность и благополучие династического брака.

Ева вздрогнула. Одно только упоминание «Вороново» и

его хозяина заставило её сердце забиться чаще, гулко и тревожно.

— Под одной крышей с Константином Львовичем? — медленно повторила она, ощущая, как по спине пробежал холодок. — Но если ты улетаешь на месяц, какого благополучия ты ждёшь от аудиторов?

— Для попечителей мой отъезд оформлен как экстренное поручение по линии дочернего фонда, — легко отмахнулся Кирилл. — Главное, чтобы законная супруга находилась в усадьбе, вела хозяйство, появлялась с тестем на октябрьском благотворительном балу и изображала преданную Пенелопу, ждущую мужа из делового похода. Отец, разумеется, в бешенстве от того, что я сваливаю на месяц, но против воли деда и репутации семьи он не пойдёт. Скандал перед годовым собранием акционеров ему не нужен. Поэтому завтра к полудню за тобой придёт его «Майбах». Вещи соберёт домработница.

Ева смотрела на мужа, и в её груди поднималось странное, пугающее чувство. Не ревность к его очередному побегу с любовницей — любовь к Кириллу выгорела ещё весной, оставив после себя лишь брезгливую пустоту, — а острое, почти паническое предчувствие. Константин Львович Вяземский пугал её и одновременно притягивал с той самой минуты, когда полгода назад на свадебном банкете он подошёл к ней, взял её холодную ладонь в свою широкую, горячую руку и, глядя сверху вниз сквозь густые тёмные ресни-

цы, тихо произнёс низким, рокочущим баритоном: «Ты совершила ошибку, девочка. Выбрала не того Вяземского».

Тогда она списала эти слова на суровый нрав сорокавосьмилетнего вдовца, привыкшего контролировать всё вокруг. Но всякий раз, когда они пересекались на семейных ужинах, она физически ощущала на своей коже тяжесть его взгляда — взгляда зрелого, опасного хищника, который видит насквозь и её одиночество, и жалкую фальшь собственного сына. Его густые волосы и ухоженная борода с благородной сединой, неизменные безупречно сшитые чёрные костюмы, сдержанная мощь каждого жеста заставляли её опускать глаза и сбиваться с дыхания. А один раз, когда он наклонился над её креслом за упавшей салфеткой, она поймала запах ветивера, дымной кожи и горького бергамота — и потом весь вечер не могла перестать чувствовать этот запах у себя в горле, будто она его вдохнула и не смогла выдохнуть.

И теперь Кирилл собственными руками запирал её на тридцать дней наедине с этим человеком в старинном особняке посреди глухого соснового бора.

— Ты с ума сошёл, — прошептала Ева, делая шаг назад, к камину. — Твой отец ненавидит ложь. Он с первой минуты поймёт, что твоя поездка — фикция, и превратит эти тридцать дней в допрос. Я не поеду в «Вороново» одна.

Кирилл в два шага пересёк комнату и жёстко перехватил её за локоть. В его пальцах не было настоящей мужской силы — только нервная, капризная цепкость человека, боящегося

потерять миллиардное состояние.

— Поедешь как миленькая, — зашипел он ей в лицо, обдавая парами алкоголя. — Забыла, кто оплатил реабилитацию твоего братца и чей фонд спонсирует реставрационный грант твоей мастерской? Если ты сорвёшь мне закрытие траста или вздумаешь жаловаться отцу, я закрою финансирование за сутки, а при разводе ты уйдёшь в том, в чём пришла. От тебя требуется всего тридцать дней тишины, покорности и правильной улыбки за завтраком с моим стариком. А на благотворительном балу в конце месяца просто постоишь рядом с ним перед камерами светской хроники, чтобы все видели: семья Вяземских монолитна как гранит. Ты меня поняла?

Ева молча высвободила руку, брезгливо одёрнув шёлковый рукав домашнего халата. В её тёмных глазах, обрамлённых густыми ресницами, больше не было ни страха, ни сомнений — только холодная, отточенная решимость человека, которого слишком долго загоняли в угол.

— Тридцать дней, Кирилл, — произнесла она отчётливо и тихо. — Ровно тридцать дней я пробуду в доме твоего отца. Но когда этот срок истечёт, мы с тобой подпишем бумаги о разводе, и ты больше никогда ко мне не прикоснёшься.

— Да ради бога, святая невинность, — Кирилл рассмеялся, уже поворачиваясь к коридору, где у входа стоял его дорожный чемодан из телячьей кожи. — После того как акции упадут на мой счёт, ты мне будешь нужна не больше про-

шлогоднего каталога. Не скучай со свёкром, дорогая. Только старайся не попадаться ему под горячую руку по вечерам — характер у Константина Львовича с годами лучше не становится.

Хлопнула дверь гардеробной, затем через десять минут затихли его торопливые шаги в холле, и лифт увёз её мужа в подземный паркинг.

Ева ещё с минуту стояла неподвижно, прислушиваясь к затихающему в стенах гулу. Потом подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу и посмотрела вниз, где красные габаритные огни автомобиля Кирилла растворялись в дождливой мгле набережной. На её груди тяжело качнулся бриллиантовый кулон.

Тридцать дней без мужа. Тридцать дней в логове человека, от одного присутствия которого у неё перехватывало горло, а по венам вместо крови начинал течь расплавленный свинец.

Она ушла в ванную и долго стояла под горячими струями, пока мрамор не запотел, а по коже не поползли красные полосы. Потом легла в пустую холодную постель, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза.

Сон не шёл. Тело, разбуженное новостью, требовало хоть какой-то разрядки, и Ева поймала себя на том, что лежит с ладонью на животе, а пальцы другой руки рассеянно гладят шёлк на бедре, всё ближе подбираясь к краю. Она позволила себе это — без спешки, как в студенчестве, когда после

долгих месяцев одиночества становилось совсем невмоготу. Только теперь перед закрытыми веками стоял не абстрактный мужской силуэт, а тяжёлый, прищуренный взгляд серых глаз, широкая ладонь с перстнем из чёрного оникса и низкий голос, произносящий: «Выбрала не того Вяземского».

Она вздрогнула, когда подушечки пальцев нашли нужное место, и выгнулась, кусая губу, чтобы не застонать в тишине квартиры. Ей было почти стыдно, будто она делала что-то запретное в доме собственного мужа, — и от этого стыда становилось только горячее. Разрядка пришла быстро, резко, с коротким судорожным всхлипом, оставив после себя разлитую в ногах слабость и странное, неудовлетворённое чувство, будто она разменяла большое на маленькое.

Уже засыпая, Ева видела смутный сон: длинная галерея со свечами, чьи-то шаги за спиной, горячая рука, ложащаяся на её талию сквозь тонкую ткань, и голос, от которого немеет затылок. Она так и не увидела лица — но проснулась с ощущением, что уже знает, чьё оно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.